

ДОБРОВОЛЕЦ

Похожий на корявый корень,
Из тех, что держат берега,
Уходит Михаил Луконин
Не в строки – в финские снега.

Там Маннергейм все стёжки выжег,
«Кукушки» там навили гнёзд.
А он вперёд толкает лыжи,
Опять поднявшись в полный рост.

Лыжнёй той заступаясь веско
За тот порыв, за ту страну,
Где шли в поэты без повестки,
И точно так же – на войну.

«Да брось! Война та – мутновата...» –
Диванный критик кривит рот.
...А ветер полы маскхалата
Крупой свинцовой в клочья рвёт.

И, будто нам немым укором,
Скрипит, судьбу пытая, наст.
Уходит Михаил Луконин...
Уходит Михаил Луконин
Не в жизнь минувшую, а – в нас.

ПАМЯТИ РОДИТЕЛЕЙ

Отец! Позёмки острые,
Могилы чёрный снег...
И сразу – девяностые:
Твой век делить «на всех».

И рушить судьбы скромные,
Свершеньям – «шить дела».
... И мама, тихо, сломлено,
К тебе потом ушла.

Рабы, не победители...
И век, забывши стыд,
В ногах у вас, родители,
Тугой бурьян растит.

Колюкою несполотой
Воздать вам норовит.
... Рву, руки все исколоты, -
И ваша жизнь кровит...

* * *

Навек приписан к рубежу,
Что отчий свет хранит,
Я никуда не ухожу –

Ни в злато, ни в гранит,
Ни в немоту, ни в кутежи...
Как в лопухах между,
Страна бросает рубежи,
А я пока держу
Озябших дум глухую дрожь,
Отчаянье своё, –
И поймы, скошенной не сплошь,
Прорехи и рваньё.
И стёжку, что идёт пешком –
Ни тише, ни скорей –
И очи порошит снежком
Нагих осокорей...
По мне, стервозная молва,
Не надо горевать!
Меня от этого сперва
Попробуй оторвать:
От звёзд, что мне даруют высь
Во тьме, – и от иных,
Что с горьким полынком срослись,
Созвездий – жестяных.
От взгляда батиных наград
Из-под суровых лет.
Ведь мне оставлен на догляд
Не берег – белый свет.
И в затишек я не сойду
С отеческих высот.
... А ветер, что всегда тут дул,
Страну, как снег, несёт...
И я, подмогою забыт
У сданных деревень,
Навек не в злато, не в гранит -
Вжимаюсь в хмурый день.
И, как бы ни был век жесток,
Поземкой не завьюсь.
Сгинь, подколодный шепоток!
Я жив. Я остаюсь...

ПИСЬМО ПОТОМКАМ

Проспект Победы, переулок Вдовый
(Блокадный, Инвалидный)... Это – нам.
Не нужно даже ставить номер дома
И называть нас всех по именам.

Пишите нам – таким, не знаменитым,
Ещё «режим» заставшим и «прижим»,
Затюканным генсеками и бытом,
Но вам, по этим стёжкам, не чужим.

Не фейерверком и не брагой пенной,
Не золотой пшеницей на парах –
Мы поднялись травой послевоенной
На пепелищах и на брустверах.

А вы теперь, нос по ветру, блажите:
«Я – мира житель, мне подай весь мир!»
Черняшкою, послевоенным житом
Мы из осколков проросли, из мин.

Наш хлеб хранит тех лет железный привкус,
Но нам не надо за море кивать,
Вставляя фарфор и ставить модный прикус,
Чтоб этот чёрствый, честный хлеб жевать.

Вам это всё, быть может, и не мило,
Но помните, верша фейсбучный суд:
Пока «Фейсбук» вас развлекает «мылом»,
Здесь похоронки – писем с фронта ждут...